

А.Е. Сьянова (Минск, БГУ)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ВЕЩЬ В СЕБЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ Р.М. РИЛЬКЕ

Понятие «вещь в себе» относится к области философии и является одним из основополагающих в этике И. Канта. Оно обозначает вещи, как они существуют сами по себе, а не такими, какими они являются для нас. Кант считал, что «вещь в себе» как таковая недоступна познанию через опыт, являясь чисто умопостигаемой категорией. При этом «вещи в себе» отличаются такими характеристиками как внепространственность, вневременность, трансцендентность. Главное противоречие состоит в том, что «вещь в себе» является одновременно сверхчувственной, трансцендентной, т.е. непознаваемой чувствами, с другой стороны она вызывает ощущения и представления в сознании человека. На рубеже XIX — XX вв. в эпоху изменений не только в общественной жизни, но и в сознании людей, вновь появляется интерес к вопросу о способности человеческого познания постигать окружающий мир вещей, предметов. Именно в это время творческие поиски приводят и выдающегося австрийского поэта Р.М. Рильке к необходимости осознания роли окружающего мира в жизни человека, роли каждого явления и предмета во вселенной.

Путь к вещи для Рильке — это особое постижение ее особенностей, внутреннего своеобразия, существующего в этом предмете закона. В 1905–1906 гг. Рильке жил в Париже и был личным секретарем знаменитого Родена. Как отмечает А. Карельский, «в творениях французского скульптора для Рильке воплотилась его мечта об осязаемом, пластическом ... совершенстве, о «превращении в предмет» (Dingwerdung) человеческих «надежд и томлений»» [1, с. 265]. Рильке загорается идеей создать свои стихо-

творения такими же пластически совершенными, как и скульптуры Родена. Поэт стремится воплотить в своих произведениях осязаемую вещественность, прочность, не подверженную переменчивости, быстротечности и преходящести. Стихотворения поэта приобретают в это время другую форму за счет превращения их в «стихотворения-предметы» (Ding-Gedichte), наполненные собственной динамикой и своеобразием. Вся вселенная отражается в форме «стихотворения-предмета». Новая форма поэзии становится главенствующей в творчестве Рильке на зрелом этапе его поэтического становления.

Понятие «вещи» или «предмета» возникает уже в сборнике «Часослов» (1905 г. издания), принесшем Рильке известность. Здесь предмет трактуется в духе Канта как нечто умопостигаемое, но трансцендентное. Главной «вещью в себе» выступает фигура Бога, он «вещь-вещей» («Ding der Dinge»). Но и другие «вещи» не обходит вниманием поэт: «Даже малая вещь для меня хороша / и в картине моей цветет / на сияющем фоне, — и чья-то душа, / с нею встретившись, оживет» (Пер. Т. Сильман) [2, с. 237]. Поэт становится своеобразным пророком, проникающим во все тайны мира, претворяющим все «предметы» в нетленные, существующие вечно в его произведениях.

«Книга образов» или «Книга картин» («Buch der Bilder») становится очередной ступенью поэта на пути к постижению бытия. Чаще всего объектами пристального внимания Рильке становятся простые, постоянно встречающиеся вещи и события, отношения между людьми или внутреннее состояние человека. Автор стремится доказать, что любой «предмет», «вещь» (das Ding) не является чем-либо застывшим. Он функционирует и живет своей собственной жизнью, как и все существующее на земле. Объектом исследования становятся и эмоциональное состояние (одиночество, воспоминание, предчувствие), и библейские сюжеты, и обыденные предметы. Якоб Штейнер подчеркивает: «Diese an der bildenden Kunst gewonnenen Einsichten haben die Tendenz verstärkt, die neben dem Stunden-Buch schon vorgetreten war: die Absage an das rauschende Wort, an Sich-Verströmen in Wohlklang und Assoziationsketten von Bildern und die Konzentration auf ein einzelnes Objekt, das scheinbar objektiv wiedergegeben wurde» [3, S. 166 — 167] («Эти взявшие верх над изобразительным искусством результаты усилили тенденцию, которая появилась уже в «Часослове»: отказ от шумных слов, от внутренних течений в звучании и ассоциативных цепочках образов и концентрация на отдельном объекте, который воспроизводится с кажущейся объективностью». — *Подстрочный перевод наш* — А.С.).

Само понятие «вещи в себе» трансформируется. Каждая вещь, предмет, становится объектом поэтического отображения, и одновременно заключается в герметичную форму «стихотворения-предмета». Таким образом, один предмет заключается в оболочку другого. Рильке усложняет и саму интерпретацию понятия «вещи в себе». Окружающий мир можно познать не только умом, но и чувствами, но это подвластно только особым пророкам вселенной, людям искусства, способным проникнуть в суть ве-

щей, приблизиться к их пониманию и передать с помощью слов, красок, линий, форм сущность «предметов» остальным людям. По мысли В. Микучевича, «у Рильке предмет многогранен потому, что он существует, потому, что его существование непреложно. В своем суверенном существовании предмет игнорирует умозрительное противопоставление «субъект-объект»» [4, с. 432]. Особой глубины у поэта достигает именно постижение внутренних закономерностей предметов.

Одной из вершин развития поэтической мысли Рильке в этот период становятся две части сборника «Новых стихотворений». Название цикла представляет собой поэтическую программу поэта: это новая форма поэзии, в которой Рильке достиг вершин пластического выражения своих представлений об окружающем мире. Сборники «Новые стихотворения» и «Новых стихотворений вторая часть» не являются взаимосвязанными циклами и представляют собой сборники отдельных стихотворений, объединенных только манерой письма: поэтические произведения сборников являются «стихотворениями-предметами». Именно Рильке наиболее глубоко и разносторонне разработал этот жанр Ding-Gedicht.

Образцами нового мировоззрения поэта являются стихотворения «Пантера», «Газель», «Собор», «Окно-роза», «Лебедь», «Римские фонтаны», «Карусель» и многие др. Рильке показывает лирических героев стихотворений в динамике и постоянном развитии. Создается впечатление, что читатель проникает как бы «внутри» изображаемого предмета, рассматривает его со всех возможных позиций познания: «Завороженная: в созвучьях мира / нет рифмы совершеннее и строже, / чем та, что по тебе проходит дрожью. / На лбу твоём растут листва и лира» («Газель», пер. К. Богатырева) [2, с. 43]. Этим и отличаются «стихотворения-предметы» Рильке. Внешне они образуют замкнутую герметичную систему, внутри разрываемую постоянными анжанбеманами, переливами мыслей, сложной метафорикой и синтаксическими конструкциями, затрудняющими понимание текста. С другой стороны использование этих поэтических приемов кажется оправданным, поскольку каждая вещь, которую стремится наиболее полно представить перед читателями поэт, раскрывается постепенно, с напряженностью и динамикой. Каждый образ диктует поэту свой способ отображения его сути. Вершиной такого отображения «предмета» становится стихотворение «Архаический торс Аполлона», где главным лирическим героем становится безрукий, безногий и безголовый торс античного бога Аполлона: «Нам головы не довелось узнать, / в которой яблоки глазные зрели, / но торс, как канделябр, горит доселе / накалом взгляда, убранного вспять...» (Пер. В. Топорова) [2, с. 107]. Н.С. Павлова, рассматривая творчество Рильке на различных этапах раскрытия его поэтического таланта, подчеркивает: «Поклоняясь не принимавшему натурализма Родену, а вскоре и живописи Сезанна, Рильке преобразует предметы своей творческой волей — он оживляет их, чтобы они «могли выразить» свой смысл и значение. Хранящийся в Лувре, искалеченный временем, древний торс Аполлона без головы и глаз, рук, ног, «искаженный и укороченный» («ent-

stellt und kurz») будто освещен у Рильке изнутри, его торс тихо поворачивается, он видит, встречаясь со взглядом поэта...» [5, с. 31]. Подчеркивая внешнюю искаженность торса («выпуклость груди», «крутой обвал плеч», «изломы») автор концентрирует внимание на внутренней силе и динамизме статуи. Рильке хочет «поймать» и выразить душу древней статуи, облечь ее в слова и представить читателю как цельный, гармоничный образ, существующий вопреки внешнему искажению.

Но не только мир материальных вещей становится объектом поэтического изображения. В форме «стихотворения-предмета» отражаются все явления, и даже образы известных библейских и античных героев становятся для Рильке особыми «вещами в себе», например, в стихотворениях «Пророк», «Есфирь», «Адам», «Ева», «Алкестида», «Орфей. Эвридика. Гермес», «Рождение Венеры» и т.п. Для художника слова не важно, одушевленный или неодушевленный предмет изображения, через незаметное поэт стремится выразить великое, открыть перед читателем всю многогранность бытия в его отдельных составляющих. Для Рильке нет ограничений в выборе предметов изображений, в его лирике оживают древние статуи и архитектурные памятники («Ранний Аполлон», «Архаический торс Аполлона», «Адам», «Ева»), вновь воскресают умершие античные боги и легендарные поэты (Сапфо, Орфей, Венера, Гермес), библейские герои и пророки (Иисус Навин, царь Давид, Саул, Иезекииль, Иеремия, Есфирь). Лирические герои его произведений выступают не только как титанические личности, но и как «вещи в себе», наделенные особым смыслом существования и целью. Они являются чем-то непостижимым с одной стороны, но глубоко сопричастным любому человеку, близким ему, родственным — с другой. При этом Рильке часто экспериментирует с формой, строфикой, благодаря использованию анжанбеманов, аллитераций и ассонансов стремится к передаче образов во всей их полноте и многообразии. Лирика Рильке, его новаторские формы оказали значительное влияние на последующую литературную традицию, расширив границы ее восприятия действительности. И интерпретация поэтом философского понятия «вещи в себе», так полно выраженная в зрелых сборниках «Новые стихотворения» и «Новых стихотворений вторая часть», открыла перед читателями новый мир явлений и предметов с другой стороны познания, показав человечеству путь к осознанию не только окружающего мира, но и себя в нем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карельский, А.В. От героя к человеку: Два века западноевропейской литературы. — М., 1990.
2. Рильке, Р. М. Новые стихотворения. Новых стихотворений вторая часть. — М., 1977.
3. Steiner, J. Reiner Maria Rilke // H. Steinecke. Deutsche Dichter des 20. Jahrhunderts. — Berlin, 1994.
4. Микушевич, В. Жалобное небо (Заметки переводчика) // Рильке Р. М. Ворпсведе, Огюст Роден, Письма, Стихи. — М., 1971.
5. Павлова, Н.С. Поэтическая речь Райнера Марии Рильке // Известия РАН. Серия литературы и языка. — М., 2007. — № 66. — С. 28–41.